

С. А. Максимов, Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология, Ижевск 2018. 336 с.

Серьезным вкладом в современное финно-угроведение стала рецензируемая здесь новая монография С. А. Максимова. Она посвящена северноудмуртско-коми языковым контактам, позволившим проникнуть в историю пермских языков, что имеет большое значение для этнической истории их носителей. Близость пермских языков обнаруживается не только в отдельных элементах, но и на всех языковых уровнях. Сложно при этом отделение заимствованных элементов от праязыковых форм, чем собственно и обоснован выбор автором ареальной лингвистики как метода исследования.

На современном этапе развития языкознания ареальная лингвистика представляет собой перспективное направление. В последние годы опубликован ряд работ по общим проблемам данного направления. Значительных исследований этого плана в пермских языках немного. Можно отметить труды Р. М. Баталовой, Т. И. Тепляшиной, С. К. Белых, посвященные ареальным параллелям в удмуртском и коми языках. Работ такого фронтального и глубинного характера, как представленная монография, в пермском языкознании до сих пор не было.

Работа С. А. Максимова — первый опыт комплексного описания трех пермских языков на лексическом, фонетическом и морфологическом уровнях в диахроническом аспекте. Она отличается как широтой охвата материала, так и использованной методикой. Северноудмуртско-коми параллели до сих пор не изучались, что говорит об актуальности и теоретической значимости монографии. Актуальность определяется и практическим значением — результаты сравнительно-исторического описания пригодятся при составлении этимологических словарей пермских языков, а разработанные методы послужат надежной базой в дальнейших подобных работах. Кроме того,

выводы автора могут быть использованы при изучении языка и истории удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков. Уместно подчеркнуть важность и необходимость ареальных исследований и для сравнительно-исторического языкознания.

Работа состоит из введения, четырех глав и заключения, списков сокращений и используемой литературы. Приложение включает указатель слов и карты изоглосс.

Во введении обоснован выбор темы, изложены цель и задачи исследования, указаны источники, охарактеризован материал, объясняются основные понятия ареальной лингвистики. Коротко освещается история вопроса, причем С. А. Максимов отмечает, что ареальных исследований по пермским языкам сравнительно немного. В основном они касаются частных явлений и, как правило, посвящены одному из пермских языков с привлечением параллелей из третьего лишь как иллюстративного материала. Дается характеристика источников — диалектологических словарей, диалектных текстов, монографий и других работ, а также лингвистических карт и атласов. Важен и обзор этнической истории пермских народов, осмысление исторического развития позволило автору опровергнуть концепцию распада общепермской языковой общности Р. Ш. Насибуллина — С. К. Белых, альтернативную миграционной теории Ю. Вихманна и получившую широкое признание среди ученых.

В первой и второй главах рассматриваются лексические единицы ограниченного распространения в удмуртских диалектах, но обычные для коми языков; а также локально ограниченные явления в удмуртском и коми языках. Автор описывает собственно лексические и семантические изоглоссы, изоглоссы фонетических, морфологических и словообразовательных

вариантов и структурные изоглоссы. Тщательный анализ позволил представить классификацию северноудмуртско-коми разновидности изоглосс, приводятся данные статистического подсчета. С. А. Максимов выявил происхождение отдельных лексем, бытующих в северном наречии (или северной диалектной зоне) удмуртского языка, но отсутствующих в его южном наречии. Как он установил, из 113 изоглоссных явлений почти половина (44,2 %) — генетические, архаизмы. Генезис другой группы северноудмуртских лексем (55,8 %), имеющих параллели только в коми языках, объясняется контактами северных удмуртов с носителями коми диалектов. Большинство изоглосс (87,3 %) сформировалось вследствие заимствования языковых единиц северными удмуртами и бесермянами из коми диалектов, среди них две — из прибалтийско-финских языков: сч. вч. бес. *комбыльскыны* 'кувыркнуться; скатиться кубарем; опрокинуться', бес. *таллян*: *пыдталлян* 'педаля (ткацкого станка)'.

7,9 % изоглоссных явлений сформировались вследствие заимствования коми диалектами из северноудмуртских. В этой категории две единицы также являются иноязычными проникновениями. К ним отнесена лексема *зеп* 'карман', имеющая русский источник (рус. *зеп*, *зепь* > удм. нч. сч. *зеп* > кз. юж. *дзеп*), и препозита *чим*: сч. вч. бес. *чим-вож* 'совершенно зеленый, интенсивно-зеленый' (комиЗ *чим*, *чин*, *чинь* 'совсем, совершенно'), через чув. *чин* 'самый, очень, весьма' восходящая к китайскому источнику — *с'ин* 'прямой; правильный; подходящий'. Интерес вызывают три слова: *ляль карыны* ~ *лёлны* (дет.) 'мочиться, писать, написать'; *пызьыртныны* ~ *пыдзрасьны* 'постирать, выстирать (быстренько)'; *чыжаськыны* ~ *тшужьяськыны* 'бить хвостом (о рыбе)', направление заимствования которых автору не удалось выявить.

Рассматривая дистрибуцию изоглосс по отдельным диалектам и их комбинациям, А. С. Максимов выявил минимальное количество генетиче-

ских изоглосс (всего две) в нижнечепецком диалекте, который в удмуртском языкознании традиционно считается самым архаичным. Исследования С. А. Максимова опровергают сложившийся стереотип. Правомерно предположение, что причиной преобладания архаичных черт в среднечепецком диалекте по сравнению с нижнечепецким связано «с интеграцией пришлым нижнечепецким населением в свою социальную и языковую среду аборигенного населения — носителей чепецкой культуры». Это позволяет полагать, что финал развития Чепецкой археологической культуры (XIII в.) и отсутствие фиксации населения на средней Чепце в исторических документах не означают полного запустения территорий на протяжении нескольких последующих веков.

Подтверждением тесных языковых связей удмуртов с северными соседями автор считает гибридные и структурные заимствования, образовавшиеся в результате калькирования внутренней формы слова или словосочетания. Последние появляются в процессе интерференции структур двух языковых систем, что доказывает не столько существование длительных межареальных контактов, сколько этническое и языковое смешения. Следовательно, многие коми лексические заимствования в северном наречии удмуртского языка действительно могут иметь суперстратное происхождение.

Ценность третьей главы состоит в характеристике северноудмуртско-коми фонетических явлений. Автор установил причины формирования фонетических изоглосс: результат консервации общепермского явления (ударный суффикс собирательной семантики — удм. сдз. *-на*, коми *-нан*, ср. удм. *күйи'на-мы* 'мы все трое', а также суффикс порядковых числительных с ударным гласным — удм. *-эти* ~ *-э'ти*, комиП *-от* ~ комиЯ *-от* ~ комиЗ диал. *-от*, ср. удм. *вит'э'ти* ~ *вит'э'ти* 'пятый; в пяти местах'), заимствования из коми языков (заударный маркер компа-

ратива *-жык* нижнечепецкого диалекта северного наречия) и результат интерференции (изофоны *ö* (*e*) и *э* (*e*); сочетание согласных *кв-* (*ква-*, *кви-*) в начале слова вместо *кй-* (*кйа-*, *кйи-*)). Вопрос о причине шепелявого произношения палатальных сибилантов *с', з' (š, ž)* в среднечепецком диалекте пока остается открытым.

О причинах формирования изоглосс речь идет в четвертой главе, посвященной морфологическим изоглоссам. С. А. Максимов показывает, что большинство изоглоссных явлений — результат интерференции. Например, словообразовательный суффикс существительных локального значения удм. сдз. *-ни*, коми *-ин*; глагольный уменьшительный суффикс удм. сл., коми *-(ы)шт* (сл. *с'ийыштыны* 'немного поест', *йуыштыны* 'немного выпить'); глагольный суффикс с уменьшительной семантикой удм. сдз. *-алт*, коми *-овт* ~ *-олт* ~ *-öвт* ~ *-öлт* ~ кя. *-өлт* (сдз. *с'ис'калтыны* 'немного поест, перекусить', сч. *курччалтыны* 'немного поест, перекусить'); удвоенные суффиксы многократного вида удм. сев. *-ллялля*, *-лыл(ы)*, коми *-львл(ы)*, *-вл(ы)* (*вэра-л'ла-л'ла-й* 'я говорил (неоднократно)', *вэтлы-лыл-и-мы* 'мы ходили (неоднократно)'). Любопытны наблюдения автора над вторичными пространственными (жилищно-местными) падежами, сформировавшимися в результате сложных взаимодействий северноудмуртских и коми диалектов, семантика которых связана с нахождением в домашнем очаге: *врач-нэ пырало* 'зайду к врачу домой' и *врач доры пырало* 'зайду к врачу (на место работы – в фельдшерско-акушерский пункт, больницу)'. Интересна морфема с собирательной семантикой *-на*: в зависимости от фонетических, семантических, функциональных и акцентуационных особенностей она образует четыре отдельных изоглоссных явления, каждое со своим ареалом в удмуртских диалектах, но продолжающийся в коми диалектах.

Из морфологических изоглосс, на наш взгляд, в небольшой корректировке нуждается ареал удвоенного суффикса многократного вида удм. сев.

-ллялля, который встречается не только в северноудмуртских, но и в средне-восточных говорах. Возможно, следовало дополнить информацию С. К. Бушмакина об удмуртских словообразовательных суффиксах существительных с локальным значением *-ти* и *-ни* (с. 228), функционирующих в средне-восточных говорах; в настоящее время в сосновском подговоре не фиксируется *-ни*, а встречается лишь словообразовательный элемент *-ти*, идентичный по значению северноудмуртскому *-ни*.

Интересен архаичный суффикс собирательных числительных *-на* в средне- и верхнечепецком диалектах северного наречия и в бесермянском наречии, как и коми соответствие *-нан*, который возможен и без притяжательного аффикса (*кыкна кыныз* 'обеими руками'). Семантика счетно-личных местоимений с суффиксом *-на-* (+ посессивный аффикс) намного уже, чем в южной диалектной зоне, например, *кыкнамы* '1. мы оба; 2. мы двое; 3. мы вдвоем'. Из трех значений в северной диалектной зоне, как и в соответствующей категории коми языков, употребляется лишь первое. Следует согласиться с автором: расширение семантики счетно-личных местоимений в южной диалектной зоне — поздняя инновация.

А. С. Максимов обнаружил всего три прямых заимствования из коми языков: маркер компаратива *-жык* нижнечепецкого диалекта северного наречия и средне-восточных говоров, маркер счетно-личных местоимений *-нан* нижнечепецкого диалекта (нч. *кык-нан-ыт* 'вами двоими', комиП *кык-нан-ныт* 'вы оба'), формант числительных *-дас* ~ *-тас*, с помощью которого оформляются названия десятков в слободском говоре нижнечепецкого диалекта, при *-дон* ~ *-тон* в других диалектах. Исследованные им северноудмуртско-коми ареальные изоглоссы демонстрируют чаще всего воздействие коми языков на северноудмуртские диалекты. Но, как отмечает автор, обращают на себя внимание и южнокоми-удмуртские ареальные языковые параллели.

Обстоятельный анализ северно-удмуртско-коми параллелей дополнен таблицами, которые содержат данные статистического подсчета. Этот подсчет помог нагляднее и достовернее выявить целостную картину рассматриваемого явления. В приложении представлены 15 карт, удачно дополняющих исследование, а также карта распространения удмуртских диалектов с указанием ареалов наречий и основных групп говоров, составленная автором по своим материалам.

Использованный метод позволил С. А. Максимову провести глубокие изыскания и получить результаты, важные не только для удмуртского,

пермского, но и финно-угорского языкознания. Его новая книга структурно и по содержанию выдержана в канонах современного научного издания и демонстрирует высокий уровень удмуртского языкознания. Результаты могут воспользоваться как филологи, так и историки, археологи и студенты филологических и исторических факультетов.

Л. В. БУСЫГИНА (Ижевск)

L. V. Busygina
Institute of National Education (Izhevsk)
E-mail: buslw@mail.ru